

ФЕНОМЕН АРАБСКОГО ПОЭТА В ДОИСЛАМСКУЮ ЭПОХУ

THE PHENOMENON OF THE ARAB POET IN THE PRE-ISLAMIC ERA

Ёкутой Журакулова Орифжон кизи

Jurakulova Yokutoy Orifjon kizi

*Студентка 4- курса Ташкентского государственного
университета востоковедения, Высшей школы арабистики*

*4th year student at Tashkent State University of
Oriental Studies, Higher School of Arab Studies*

Аннотация: В статье исследуется феномен арабского поэта в доисламскую эпоху (Джахилия) как центральной фигуры арабского общества. Рассматриваются социальные, политические и культурные функции поэтов, их роль в сохранении устных традиций и влияние на племенную идентичность и престиж. Особое внимание уделяется лингвистическим и стилистическим особенностям доисламской поэзии, включая использование образности, риторики и метрических структур. Отмечается переход от племенной поэтической культуры Джахилии к раннему исламскому периоду, подчеркивая, как поэты выступали посредниками между традицией, социальными нормами и новыми религиозными ценностями.

Ключевые слова: арабский поэт, доисламская эпоха, Джахилия, устная традиция, племенная идентичность, арабская поэзия, литературная культура, ранний ислам.

Abstract: This article explores the phenomenon of the Arab poet in the Pre-Islamic era (Jahiliyyah) as a central figure in Arab society. It examines the social, political, and cultural roles of poets, their function in preserving oral traditions, and their influence on tribal identity and prestige. The study highlights the linguistic and stylistic features of pre-Islamic poetry, including its use of imagery, rhetoric, and metrical structures. Special attention is given to the transition from the tribal-centered poetic culture of Jahiliyyah to the early Islamic period, emphasizing how poets mediated between tradition, social norms, and emerging religious values.

Keywords: Arab poet, Pre-Islamic era, Jahiliyyah, oral tradition, tribal identity, Arabic poetry, literary culture, early Islam.

Когда в арабском племени появлялся новый поэт, это событие воспринималось как великая честь и радость. Соседние племена спешили поздравить своих братьев: устраивались пиршества, женщины играли на музыкальных инструментах, как на свадьбах, а мужчины и дети обменивались

поздравлениями. Ведь поэт считался не просто творцом — он был защитником чести племени, хранителем его достоинства, летописцем его славных дел и прославителем имен его героев. Подобные празднества устраивались лишь в трёх случаях: при рождении сына, появлении поэта или рождении жеребёнка у лошади.

Этот эпизод наглядно показывает, какое место занимал поэт в доисламском арабском обществе. Возникает закономерный вопрос — чем объясняется столь высокий статус поэта в тот период? Как он менялся со временем? Что повлияло на эти изменения, и какую роль сыграло распространение ислама? Действительно ли пророк Мухаммад был противником поэзии, как утверждают некоторые источники? Эти и другие вопросы неизбежно встают перед исследователем, обращающимся к проблеме статуса поэта в древней Аравии.

Многие зарубежные востоковеды касались этой темы, однако их труды нередко носили фрагментарный характер — внимание уделялось отдельным событиям или конкретным историческим этапам. В нашей работе предпринята попытка, опираясь на эти частичные, но крайне ценные сведения, проследить развитие статуса арабского поэта в исторической перспективе — от истоков поэтического жанра до раннего средневековья.

Доисламскую арабскую поэзию принято называть поэзией периода джахилии. Рассматривая этот этап с точки зрения общественного положения поэта, его условно можно разделить на два подпериода — **раннюю и позднюю джахилию**. Подобное деление не случайно: оно отражает эволюцию социального и культурного статуса поэта в меняющихся условиях жизни арабских племён. Далее обратимся к характеристике первого из них — периода ранней джахилии.

Ранний этап джахилии отличался сплочённостью и внутренним единством племён. Интересы отдельного человека полностью совпадали с интересами рода, и выживание каждого зависело от взаимной поддержки. В условиях суровой пустыни и постоянного соперничества с соседями только коллективное единство могло гарантировать безопасность. Естественно, это нашло отражение и в поэтическом творчестве того времени. Стихи ранних поэтов отличались искренностью, простотой и чистотой чувств.

Известный литературовед Ибн Рашик писал: «Арабы не зарабатывали стихами на жизнь; если кто-то сочинял их, то делал это в шутку или ради удовольствия, довольствуясь простым рукопожатием в знак признательности. Вознаграждением служили лишь благодарственные слова и уважение».

Бедуины, кочевавшие по просторам Аравии, были тонкими ценителями поэтического искусства. Умение слагать стихи высоко ценилось и считалось

столь же важным, как храбрость в бою. Это не случайно: поэт выполнял целый ряд ключевых общественных функций.

Само слово «**ша'ир**» (поэт) восходит к корню, связанному со знанием, восприятием, предчувствием. В древности поэт воспринимался как человек, наделённый особым чувством, способностью постигать невидимое, будто бы находящийся под покровительством высших сил, которые даровали ему вдохновение. Отголоски этого представления сохранились в убеждении, что поэт связан с неким сверхъестественным началом, посылающим ему рифмованные откровения.

Не все учёные разделяют эту точку зрения. Так, известный исследователь Хуршид Ризви полагал, что поэзия джахилии не имела мистического характера. Однако обращение к феномену **кахинов** (жрецов-прорицателей) помогает понять, откуда возникло подобное восприятие поэта. Кахины утверждали, что получают откровения от божеств, и передавали их в форме ритмической прозы. Эта форма — рифмованная, звучная, насыщенная символами — была близка поэтической речи. Поскольку кахинство в ту эпоху было широко распространено, неудивительно, что дар поэта воспринимался как проявление божественной воли.

Известный востоковед М.Б. Пиотровский, анализируя тексты Корана, отмечал, что в представлениях древних арабов существовало несколько категорий людей, способных вступать в контакт с потусторонними силами: **кахин, поэт и маджнун** (одержимый духами). Эту же мысль развивал Абу Амр ибн аль-Аля, которого цитирует аль-Асмаи: «Во времена джахилии поэты занимали у арабов положение, равное пророкам племени».

Таким образом, поэт воспринимался не просто как мастер слова, но и как **прорицатель**, связанный с высшими силами, что придавало ему особый авторитет и возвышало над остальными членами общества.

Однако поэзия выполняла и более земные, практические функции. Она служила **летописью племени**, хранила его память, описывала сражения, подвиги, походы и благородные поступки. Поэт был своеобразным **летописцем, защитником и голосом своего народа**. Он прославлял победы, оплакивал павших, высмеивал врагов и тем самым формировал моральное сознание племени.

Иногда поэты играли роль **миротворцев и дипломатов**: в спорах между племенами именно поэтические состязания могли разрешить конфликт. Победителем признавалась сторона, чьи аргументы в стихах оказывались убедительнее. Примером такого поэта-миротворца считается **Зухайр ибн Сульма**, выступавший против кровопролитных войн.

Племя гордилось своим поэтом, ведь он воплощал его славу и достоинство. Поэт мог как возвеличить человека, так и подвергнуть его позору. Он обличал скупых и подлых, вдохновлял трусливых, призывал к храбрости и доблести. Его слово обладало огромной силой воздействия. Ибн Рашик писал, что поэты создавали специальные поэтические размеры и ритмы, чтобы выразить чувства, а их произведения служили хранителями нравственных идеалов, наставлением потомкам и выражением коллективной памяти народа.

Обычно поэт находился под покровительством **шейха или вождя племени**. Иногда он жил в племени постоянно, иногда — как почётный гость. Если его талант был особенно велик, у него появлялся ученик — **равий**, который заучивал стихи своего наставника и декламировал их перед собранием, владея как словом, так и интонацией.

Влияние поэта выходило далеко за пределы родного племени. Его хвала могла возвысить, а его сатира — унижить. Недаром западный арабист Р.А. Николсон образно говорил, что слова поэтов «летели через пустыню быстрее стрел и поражали сердца тех, кто их слышал».

Таким образом, поэт в раннюю джахилию был не просто художником слова, а важнейшей фигурой общественной жизни — **хранителем памяти, выразителем совести, моральным авторитетом и голосом своего народа**. Его влияние можно сравнить с современными средствами массовой информации, с той разницей, что его слово исходило не из расчёта, а из глубины души и искреннего чувства.

Со временем прежняя сплочённость племени начинает разрушаться. Патриархальные связи слабеют, появляется имущественное и социальное неравенство. Если раньше все члены рода были равны и жили общими интересами, то теперь общество начинает делиться на богатых и бедных, сильных и зависимых. Это изменение социального уклада неизбежно повлияло и на положение поэта.

С одной стороны, в это время появляются **поэты-изгнанники**, такие как аш-Шанфара, Таабат Шарран, Тарафа. Их судьбы отражают кризис родоплеменных отношений: эти поэты оказались отторгнутыми своими же соплеменниками, и их творчество проникнуто чувством одиночества и протеста.

С другой стороны, формируется новый тип поэта — **поэт-панегирист**, который создаёт хвалебные стихи за материальное вознаграждение. Это свидетельствует о начале коммерциализации поэзии. По мере ослабления родовых связей такие поэты искали покровительства у местных вождей и знатных людей, нередко переходя от одного к другому.

Как справедливо отмечал И.М. Фильштинский, «на смену поэту-воину приходит поэт-панегирист, который торгует своим талантом». Теперь

стихотворство становится профессией, а не служением племени. Поэт уже не выражает коллективные чувства своего народа — он воспекает личные заслуги покровителя, получая за это дары. Искренность и патриотизм, свойственные поэтам ранней джахилии, постепенно исчезают.

В результате поэзия теряет своё изначальное предназначение — быть хранительницей моральных и социальных ценностей. Валид Кассаба справедливо указывал, что это время стало переломным: «Арабская поэзия получила опасную трещину, поскольку поэты отошли от благородных целей, ради которых изначально создавалось их искусство». Вместо возвышенного служения обществу всё чаще звучат стихи, направленные на получение выгоды, на хулу и насмешки, на разрушение репутации соперников.

Особое значение в этот период приобретает жанр «хиджа» — поэтического поношения. Сатира становится мощным оружием в руках поэта. Как отмечал И.М. Фильштинский, именно в хиджа поэт мог проявить себя наиболее ярко как личность. Страх перед поэтическим осмеянием становился настолько силён, что многие знатные люди предпочитали задобрить поэта, лишь бы избежать его насмешек. За это поэт получал дары, часть военной добычи или покровительство вождей.

Но вместе с этим усиливалась и деградация моральных принципов поэзии. Она всё чаще использовалась для самовозвеличивания, получения выгоды, даже для шантажа. По словам того же Кассаба, поэты стали «продавать слово», прославляя недостойных и пороча благородных, и в итоге общество отвернулось от них.

Так поэт, некогда служивший голосом чести и совести народа, превратился в наёмного исполнителя, зависимого от милости богатых покровителей. Его слово потеряло прежнюю силу, а сам он стал восприниматься скорее как ловкий льстец, чем как мудрец.

Эта деградация вызвала сильное общественное недовольство. Люди, уставшие от продажности и лести, начали искать новые моральные ориентиры. В результате **высокое место поэта занял хатиб — проповедник и оратор**, слово которого звучало правдиво и нравственно.

Абу Амр ибн аль-Аля писал: «Во времена джахилии поэт стоял выше хатиба, ибо арабы нуждались в стихах, чтобы прославлять свои доблести, внушать страх врагам и укреплять воинский дух. Но когда поэзия стала источником дохода, а поэты — орудиями лести, хатиб поднялся над ними».

Постепенно среди поэтов распространилось **нищенство и попрошайничество**. Некоторые из них, привыкнув к дарам, становились жадными и навязчивыми. Только немногие, по выражению источников,

«сохранили достоинство и не продали себя ради выгоды, пока голод не заставил их склониться».

Первым, кто откровенно превратил поэзию в средство личного обогащения, считается **аль-Набига аз-Зубьяни**. Он восхвалял правителей и до того, как прославился как поэт, но именно с его деятельностью начинается коммерциализация арабской поэзии. Следом идут **Зухайр ибн Аби Сальма**, **Харм ибн Санан**, а позднее — **аль-Аьша**, который окончательно сделал поэзию предметом торговли, распространив своё ремесло даже за пределами Аравии.

Кульминацией этого процесса стала фигура **аль-Хати'а**, которого аль-Асмаи описывал как «жадного и настойчивого вымогателя». Ибн Рашик добавлял, что он «превзошёл всех в стремлении получать награду за стихи, не прилагая к ним труда», и именно за это общество отвергло его, объявив вне закона.

Так рухнуло величие поэта как духовного лидера, хотя сама **поэзия как искусство не исчезла**. Поэт по-прежнему сохранял влияние и богатство, но теперь это было не уважение, а скорее **страх перед его злым словом**. Его награждали не из почтения, а чтобы избежать насмешек и поношений. В глазах общества он больше не был мудрецом и выразителем идеалов — скорее весельчаком, острословом, а подчас и простым болтуном.

Падение статуса поэта, начавшееся в позднюю джахилию, совпало по времени с коренными переменами, которые принесло распространение ислама. Новая религия не только преобразила духовную жизнь Аравии, но и радикально изменила представления о слове, вдохновении и истине.

Если раньше поэт воспринимался как человек, наделённый сверхъестественными способностями, то в исламском мировоззрении подобная связь с потусторонними силами стала считаться сомнительной, а иногда и греховой. Коран прямо предостерегает от слепого следования за поэтами:

«А поэты — за ними следуют заблудшие; разве ты не видишь, что они блуждают по долинам, говоря то, чего сами не делают?» (Коран, 26:224–226).

Эти слова нередко интерпретировались как отрицание поэтического творчества, однако смысл их глубже. Ислам не отвергал поэзию как искусство, но осуждал ложь, лицемерие и праздную риторику, свойственные некоторым поэтам джахилии. Пророк Мухаммад, по свидетельству преданий, не выступал против поэзии как таковой. Напротив, он благосклонно относился к поэтам, чьи слова служили истине и защите ислама.

Источники упоминают имена поэтов, стоявших рядом с пророком, — **Хассана ибн Сабита**, **Каъба ибн Зухайра**, **Абдаллаха ибн Равахи**. Их творчество стало продолжением лучших традиций древнеарабской поэзии, но с

новым содержанием: прославлением веры, справедливости и духовного обновления.

Таким образом, исламская эпоха не уничтожила поэзию, а **переориентировала её**. Вместо родоплеменных хвалебных песен появляются религиозные гимны и наставления, где воинская доблесть уступает место моральной силе и верности истине. Поэт перестаёт быть прорицателем, но сохраняет роль **глашатая истины и морали**.

Характерно, что слово «ша‘ир» постепенно теряет прежнюю мистическую окраску. Оно становится обозначением мастера речи, а не «одержимого вдохновением». Поэзия входит в рамки новой культуры, подчинённой нравственным и религиозным идеалам ислама.

Тем не менее тень прошлого долгое время оставалась ощутимой. Многие правители Омейядского и Аббасидского периода продолжали покровительствовать поэтам, особенно тем, кто создавал панегирики в их честь. Это свидетельствует, что традиция «придворного поэта» сохранилась, хотя и в изменённой форме. Однако теперь поэт обязан был соблюдать определённые моральные границы, соответствующие исламскому мировоззрению.

История статуса арабского поэта отражает эволюцию самого арабского общества — от племенного строя к единой религиозной цивилизации.

1. **В раннюю джахилию** поэт был духовным лидером, прорицателем, хранителем памяти и чести племени. Его слово обладало почти сакральной силой.
2. **В позднюю джахилию** с распадом родовых связей поэзия теряет общественное значение, превращаясь в средство личного обогащения. Поэт-панегирист становится символом падения нравов.
3. **С приходом ислама** поэзия очищается и приобретает новое направление — служение истине, вере и моральным ценностям. Поэт уступает место проповеднику, но сохраняет важную культурную роль как выразитель духовной жизни общества.

Таким образом, можно сказать, что поэзия прошла путь от пророческой миссии к художественному выражению религиозного и нравственного сознания. И хотя прежняя харизма поэта как «вещего» была утрачена, его слово продолжало оставаться живым источником духовной энергии арабской культуры.

Использованные источники

1. Коран. Перевод И. Ю. Крачковского. — М., 1991.
2. Беляев Е. А. *Арабы, ислам и арабский халифат в раннее средневековье*. — М., 1966.
3. Большаков О. Г. *Ислам в Аравии. I (570–633 гг.)*. — М., 1989.

4. Куделин А. Б. *Средневековая арабская поэтика*. — М., 1983.
5. Пиотровский М. Б. *Мухаммед, пророки, лжепророки, кахины*. — М., 1981.
6. Розен В. Р. *Древнеарабская поэзия и её критика*. — СПб., 1872.
7. Фильштинский И. М. *Арабская литература в средние века*. — М., 1977.
8. Фильштинский И. М. *Арабская литература VIII–IX веков*. — М., 1978.
9. Khurshid Rizvi. *The Status of the Poet in Jahiliyya*. — *Hamdard Islamicus*, Vol. VI, No. 2, Summer 1983.
10. Nicholson R. A. *A Literary History of the Arabs*. — Cambridge, 1956.
11. كلية الآداب، جامعة عين شمس، مصر، 1969 م، الإسلام والشعر. إبراهيم عبد الرحمن محمد.
12. تحقيق محمد محيي الدين عبد الحميد، دار الجيل، بيروت، 1972 م، العمدة. ابن رشيق.
13. القاهرة، 1957 م، الزينة في الكلمات العربية الإسلامية. أبو حاتم الرازي.